

Неувядаемые «Белые цветы»

памяти
А. С. Абсалямова

*Рауль
Мир-Хайдаров*

*Рауль Мир-Хайдаров.
Рис. Айдара Ширязданова*

137

К КОНЦУ XX века татарская литература обрела определённую значимость и вес в нашей стране, и, если бы не развал СССР, то сегодня, вероятно, она оказалась бы одной из интереснейших литератур среди народов, живущих на постсоветском пространстве. Развал СССР, с одной стороны, лишил её огромной аудитории, где выписывали татарские журналы, читали татарские книги – ведь и миллионы татар живут вне Татарстана.

Раньше журналы «Казан утлары», «Азат Хатын», «Чаян» выписывали в Прибалтике и на Кавказе, Средней Азии и в Казахстане, на Украине и в Белоруссии, и в самой России – от Калининграда до Владивостока. Рухнула повсюду единая книготорговая сеть, и все татарские журналы и книги оказались адресованными только жителям Татарстана. Оттого моментально упали тиражи газет, журналов, книг. Как ни странно, больше всех пострадала литература на русском языке. На нет сошли абсолютно все ведущие «толстые» журналы не только в Москве, но и по всей России, даже нет нужды их перечислять. Но в Татарстане в то же время сложилась парадоксальная ситуация: потеряв тиражи, журналы не исчезли как в Москве, а зажили новой жизнью, резко улучшив

полиграфию. Сегодня любой татарский журнал или книга в полиграфическом исполнении вызывает восхищение.

Появился полиграфический центр «Идель-Пресс» (позже – «Татмедиа»), оснащённый новейшим оборудованием и передовыми технологиями, и он почти один обслуживает потребности Татарстана. Журналы и книги издаются на первосортной бумаге, об этом в советское время даже мечтать не могли. На фоне закрытия повсюду в России печатных изданий в Татарстане произошёл всплеск выхода новых газет и журналов: «Мирас», «Идель» на русском и татарском языках, «Майдан», «Татарстан», «Казанский альманах», «Казань», несколько детских и женских журналов, издания, посвящённые исламу. Татарстанские газеты и журналы выплачивают гонорары. Появилась новая, замечательная мода в поэзии – издавать татарские стихи сразу в переводе на русский язык. Есть ещё более изощрённые издания – прекрасный поэт, классик татарской литературы Радиф Гаташ издал свои книги под одной обложкой сразу на трёх языках, добавив английский¹.

Жаль, не дожили до этих светлых дней татарского книгоиздания выдающиеся поэты Хасан Туфан, Сибгат Хаким, Зулфат, Мударрис Агьямов, Марс Шабаев. Но я хотел бы поговорить о другом. Уверен, пройдёт тяжёлая полоса с распространением книг в России, наладятся прежние связи литератур народов страны, и новое поколение читателей, открывая для себя советское творческое наследие поэзии и прозы, найдёт великое множество достойнейших имён и интересных книг. Удивятся тому, как много внимания в СССР уде-

лялось литературам абсолютно всех народов, больших и малых, и все они имели возможность выдвинуть на всеобщую арену литературы хотя бы по одному из самых достойных из своей нации – Москва не вмешивалась в этот выбор. Имена писателей, которые представляли республики, автономии, национальные округа, вошли в золотой фонд культуры СССР, их знала вся страна. Начнём с самых малых народов – чукчей представлял Юрий Рытхэу; нивхов – Владимир Санги; кабардино-балкарцев – Кайсын Кулиев; дагестанцев – Расул Гамзатов; башкир – Мустай Карим; каракалпаков – Ибрагим Юсупов; киргизов – Чингиз Айтматов; казахов – Мухтар Ауэзов и Олжас Сулейменов; таджиков – Садретдин Айни и Мирзо Турсунзаде; туркменов – Берды Кербабаяв; азербайджанцев – Самед Вургун; узбеков – Ойбек и Гафур Гулям. Список можно продолжать долго, всем нашлось место, все народы выдвинули самого достойного поэта или романиста.

Кто-то из татар, привыкший во всём винить центр, Кремль, обязательно скажет – рука Москвы, татар обошли, русские не дали. Такие предположения я слышу от своих соплеменников уже лет сорок. Только чтобы развеять эти беспочвенные слухи, для истории и для будущих поколений я расскажу – почему татар нет в этом высоком списке, и кто бы мог достойно представлять нас в советской литературе в ту пору.

В те далёкие 60-е годы в татарской литературе работало много значительных писателей, и не менее десяти из них, как говорили мне Мустай Карим и Амирхан Еники, могли претендовать на место, о котором мы ведём речь. Татарское писательское сообщество, как и любое другое, состояло из группировок. Иные кланы имели не только колоссальное влияние на Союз писателей Татарстана, но даже нередко подменяли его. И каждая группа хотела бы выдвинуть на это место своего представителя. Больше того, в самих крупных кланах и в руководстве СП имелись люди, видевшие в этой роли только самих себя.

¹ Прим. редакции (в дополнение) – с 1996 года Татарский ПЕН-центр выпустил в свет более трёх десятков книг татарской литературы на трёх и более языках под одной обложкой, среди которых произведения Г. Тукая, Т. Миннуллина, Р. Мустафина, «История татарского народа» Р. Фахрутдинова, сборники «Сорок татар», пословицы, поговорки, афоризмы татарского народа, антология татарской литературы и др.

Привычная крыловская картина: лебедь, рак да щука. Разумеется, столько тщеславных людей, даже ради престижа татарской литературы, к консенсусу прийти не смогли.

Тогда мы упустили исторический шанс. Хотя на тот момент, даже среди лучших, были две ярчайшие, бесспорные фигуры: поэт Хасан Туфан и романист Абдурахман Абсалямов. Хасан Туфан, даже сегодня, и через сто лет останется ярчайшей звездой в татарской литературе, хотя после него в 70–80-е годы в поэзии появились и новые мега-звёзды: Равиль Файзулин, Зульфат, Мударрис Аглям, Разиль Валеев, Ренат Харис, Радиф Гаташ. В ту пору по силе таланта, популярности, народной любви, трагичности судьбы вряд ли кто из поэтов мог сравняться с Хасаном Туфаном. Но у каждого из претендентов на звание первого татарского поэта против Хасана Туфана имелся за пазухой тяжёлый камень-аргумент. Хасан Туфан только вернулся из сталинских лагерей, где отбыл пятнадцать лет за своё творчество, казавшееся властям слишком уж националистическим. Я, в силу своей дотошности, в течение 25 лет задавал один и тот же вопрос почти всем крупным литераторам Татарстана: почему не выдвинули Хасана Туфана? И всегда у всех ответ был один, без тени сомнений и колебаний они говорили: «Он же в тюрьме, как враг народа, 15 лет отсидел». И все 25 лет к такому единодушному ответу у меня был один комментарий: «Ну и что? Давид Никитович Кугультинов был осуждён на 25 лет по той же статье, но это не помешало ему быть депутатом Верховного совета СССР, известным в стране поэтом и представлять калмыков в советской литературе до конца дней своих». К сожалению, с отношением коллег к Хасану Туфану всё ясно. На мой комментарий, связанный с Д. Н. Кугультиновым, один большой татарский писатель сказал мне с гордостью и апломбом: «Ну, мы ведь не калмыки, мы – татары, на такие вещи смотрим строго». Уж лучше бы он промолчал.

О втором, безусловном лидере татарской литературы в то время и речи особо не возникало, он не примыкал ни к одной литературной группировке. Он обосновался в Казани в 1946 году, в возрасте 35 лет, по местным понятиям, – чужак. Но я, хотя и запоздало, отдам ему дань уважения – представлю читателям, особенно тем 75–80 процентам (а это пять миллионов татар!), которые, к сожалению, живут вне пределов Татарстана, но душою, как и я, тянутся к Казани. Татары, разбросанные по России и миру, заслуживают право знать больше о своей культуре, о своих крупных писателях. Будь моя воля, я бы давно перевёл для этих татар, живущих на чужбине, всех классиков татарской литературы, а заодно о них узнал бы и русский читатель. Татарскому народу есть что предьявить миру и в литературе, особенно в поэзии.

Я хочу рассказать вам об Абдурахмане Абсалямове, и вы, читатель, поймёте, какой титан работал в ту пору, когда определяли на Олимп литературы по одному представителю от каждой нации. Мало у какого народа был столь яркий писатель, гражданин.

Родился он в Мордовии в 1911 году в многодетной семье, три его брата погибли на войне, две сестры после войны жили в Москве. Их род до сих пор широко представлен в столице. В голодные 20-е годы его отец перебирается в Москву, на заработки. В двенадцать лет, в 1923 году, мальчик Абдурахман переезжает в Москву к отцу и в 1930 году заканчивает там школу. Сразу после школы, целых семь лет он работает слесарем, токарем на разных заводах столицы. В ту пору в Москве выходили татарские газеты, журналы. И редактор одной из газет – незабвенный Муса Джалиль, рекомендует юноше, уже активно печатавшемуся, поступить в Литературный институт. В 1936 году, работая токарем на заводе, он поступает на вечернее отделение этого института, в 1937 году переходит на дневное отделение и уже в студенческие годы войдёт в круг московских писателей. В 1940 году

он заканчивает Литинститут, в истории этого учебного заведения он окажется первым татаринном, окончившим альма-матер многих известных советских писателей.

На его жизнь придётся две войны, и их он пройдёт достойно, на передовой. В Отечественной войне ему выпадет поначалу Карельский фронт, потом по Европе он дойдёт до Берлина, закончит Абсалямов свою войну в Маньчжурии, против японцев в 1946 году. Можно сказать – он дважды фронтовик. Об этих войнах, включая и финскую, я много слышал – их прошёл мой отчим Исмагиль Зарифович Мифтахутдинов, призванный на срочную службу в 1939 году и вернувшийся с войны только в 1946-м, как и Абдурахман Сафиевич. Во время войны Абсалямов – офицер и орденоносец, командовал миномётным расчётом морской бригады, воевал в разведке, был редактором нескольких военных газет и в ту пору сблизился с легендарным Ильёй Эренбургом, которого знал ещё по Литинституту. Во время войны он состоял в переписке с Хасаном Туфаном, чья судьба по трагичности обстоятельств уступает только судьбе двух великих татарских писателей – Габдуллы Тукая и Мусы Джалиля.

Во время учёбы в Литинституте Абсалямова в 1939 году командировуют в Узбекистан на строительство большого Ферганского канала, грандиозной стройки своего времени. Там, в Фергане, он познакомился со своей будущей женой Магиной, преподавателем русского языка и литературы в узбекской школе.

В 1951 году я, десятилетний мальчик, прочитал книгу «Газинур» и очень гордился, что её герой, татарин Газинур Гафиятуллин, повторил подвиг Александра Матросова, закрывшего грудью амбразуру дзота. Конечно, в третьем классе не обращаешь внимания на фамилию автора, только спустя много лет я узнал, что «Газинур» написал Абдурахман Абсалямов. И ещё один маленький, но важный для меня перехлест моей судьбы с Абсалямовыми. Дочь Абсалямова, Лиля, преподаватель ан-

глийского языка, с 60-х годов живущая в Москве, замужем... за легендарным джазовым саксофонистом, руководителем оркестра «Арсенал», народным артистом России Алексеем Козловым. Мы с А. Козловым широко представлены в книге «Стиляги», вышедшей сразу после одноимённого фильма В. Тодоровского.

В Москве больше полувека существовал институт, изучавший творчество М. Горького. Но и творчество Абдурахмана Абсалямова столь же многогранно и объёмно, что хоть институт создавай. От его работоспособности дух захватывает. Я хочу перечислить, чем он, кроме своих книг, обогатил татарского читателя и свой народ, Он перевёл на татарский язык Джека Лондона, Ги де Мопассана, Алексея Толстого, всю публицистику Белинского, своего друга И. Эренбурга, «Молодую гвардию» Фадеева, «Весну на Одере» Казакевича, Гайдара, Лескова, Чехова, Новикова-Прибоя и многих других.

Сразу после войны он написал две крупные повести «Белые ночи» и «Вечный человек». Его роман «Орлята» увидел свет в 1949 году в журнале «Советская литература» («Советская литература»), а чуть позже вышел отдельным изданием пробным тиражом пять тысяч экземпляров. Но интерес к роману оказался столь велик, что он выдержал шесть изданий на русском и татарском языках. Роман был переведён на польский, украинский, узбекский, уйгурский языки.

После выхода в 1950 году романа «Газинур», который я прочитал в детстве, именем Газинура Гафиятуллина были названы школы, колхозы, совхозы, пионерские дружины. Уверен, что сегодня как раз время переиздать роман «Газинур». В 1959 году выходит роман «Огонь неугасимый», тут пригодился семилетний опыт работы Абсалямова на московских заводах. Этот роман тоже издавался одиннадцать раз, и общий тираж составил более миллиона экземпляров. Ни один писатель из Казани до сих пор даже не приблизился к его многочисленным переизданиям и миллион-

ным тиражам. Командир миномётного расчёта морской бригады каждым романом попадал прямо в сердце читателя. При таком громадном таланте писателя для советского человека неважно было то, что он татарин и на каком языке пишет. Абсалямов писал о достойных сыновьях и дочерях своего народа, оттого и был любим всесоюзным читателем. Вот какую интересную мысль высказал всемирно известный грузинский композитор Гия Канчели, много лет живущий в Европе: «Если индивидуальный талант силён, очевиден, он, в конечном счёте, обязательно станет национальным». Эти слова гениального композитора прямо относятся к Абдурахману Абсалямову. За роман «Огонь неугасимый» Абсалямов в 1959 году получил Государственную премию Татарстана имени Г. Тукая.

После сорока лет, в середине 50-х, Абсалямов перенёс несколько тяжёлых заболеваний. Инсульт надолго приковал его к больничной койке, парализовало правую сторону. Пришлось учиться писать левой рукой. Эта его больничная ситуация роднит меня с ним, она мне близка и понятна. Ведь после покушения на меня я со сломанным позвоночником тоже лежал долгие месяцы в больнице на растяжке с доской на груди и дописывал роман «Двойник китайского императора» карандашом, потому что ни одна ручка в таком положении не пишет.

Писателя к жизни вернула его любимая жена Магина Измайловна, она перевернула горы медицинской литературы, объездила лучшие клиники и больницы, познакомилась с врачами и знахарями и всё-таки поставила мужа на ноги. Вот что делает большая любовь! Ведь Магина-ханум ждала своего возлюбленного с войны целых семь лет. Молодые, обратите внимание, какими искренними, верными были ваши бабушки и дедушки в любви и жизни. Магина-ханум срочно закончила курсы машинисток и все вышеназванные романы были ей надиктованы мужем. Магина Измайловна оказалась и первым редактором его татар-

ских и русских изданий, если помните, она преподавала русский язык и литературу в школе. Говорят, все её замечания и правки оказывались столь толковыми, уместными, что писатель часто говорил и в шутку, и всерьёз: тебе бы самой писать. Мне об этом рассказывал Аскад Мухтар, женатый на родной сестре Магины-ханум, Раузе Измайловне, которая тоже внесла заметную лепту в творчество Аскада Мухтара. Он говорил мне: «Я не знаю более строгого и толкового критика, чем моя ненаглядная Рауза». Обе сестры были красавицами, Рауза-ханум и в 65 была большой модницей, завсегдадаем ташкентской валютной «Берёзки» – Аскад Мухтар много издавался на Западе.

В 1965 году выходит в свет самый популярный роман Абдурахмана Абсалямова «Белые цветы», выражаясь по-современному, – единственный бестселлер, написанный на татарском языке за последние сто лет. Роман девять раз печатался на русском и шесть – на татарском языках тиражом более пяти миллионов экземпляров. Я сам, имеющий миллионные тиражи своих книг, утверждаю, что рекорд Абсалямова никогда не будет побит ни одним писателем, пишущим на татарском языке. В 1967 году, в разгар популярности «Белых цветов», его наградили орденом Ленина, орденом Трудового Красного знамени он получил ещё в 1957 году после романов «Газинур» и «Огонь неугасимый». «Белые цветы» (роман о врачах) в татарской жизни имели колоссальный успех, ни до Абсалямова, ни после таких прецедентов не было, и вряд ли когда предвидятся, к сожалению. Кондитерская фабрика Казани выпустила торт «Белые цветы», Министерство здравоохранения утвердило премию «Врач года – Белые цветы». Поставили многосерийный телеспектакль, где играли лучшие артисты Камаловского театра, который десятки лет не сходил с экрана.

Абдурахмана Абсалямова особенно любили на Украине. В 1967 году украинская «Рабочая газета» провела

на Украине опрос: кого из переводных писателей чаще всего читают в республике и включила в этот список 117 советских писателей, было там много известнейших авторов, не буду их перечислять. Самым читаемым украинцами писателем оказался Абсалямов и его роман «Белые цветы». Вот тут вновь возникает серьёзная параллель с творчеством Абсалямова – я словно подхватил его эстафету. С советских времён я получал много писем с Украины, больше их было только с Дальнего Востока, хотя я только однажды напечатал в журнале «Дальний Восток» повесть «Знакомство по брачному объявлению». После развала СССР меня очень активно, большими тиражами печатали украинские издательства – «БАО» (Донецк), а «Грампус Эйт» (Харьков) и «Северная Пальмира» (Днепропетровск) издали дважды, кроме отдельных книг, по четырёхтомнику моих собраний сочинений. За год до развала СССР издательство «Днепро» перевело на украинский язык два моих романа «Пешие прогулки» и «Двойник китайского императора», переводчики братья Хвылевые – известная на Украине писательская фамилия. Но с развалом СССР рухнуло издательство «Днепро», и я не знаю, вышли эти книги или нет. И сейчас по Интернету мне часто пишут с Украины. Наверное, Абдурахман Абсалямов порадовался бы моим успехам на любимой им Украине, где он, кстати, воевал и получил ранение.

Хочется хотя бы коротко рассказать о его общественной деятельности. Коммунистом он стал на фронте, в перерыве между боями. Был депутатом Верховного совета СССР, делегатом XXII съезда КПСС, работал в Комитете защиты мира, был членом Горкома партии. Как депутат, член горкома партии он тесно общался с гражданами Казани. Сохранился его «Дневник депутатской работы». Хочется отметить невероятную скромность Абдурахмана Абсалямова. Почти все известные романы, кроме «Белых цветов», написаны в коммунальных квартирах. За десять

послевоенных лет он сменил шесть коммуналок и только в конце 50-х, после инсультов и инвалидности получил отдельную квартиру. Зато, когда Абдурахман Абсалямов стал депутатом Верховного совета, многие молодые татарские писатели, благодаря его помощи, улучшили свои жилищные условия.

Всесоюзная слава Абсалямова, его популярность, постоянные переиздания, миллионные тиражи радовали не всех татарских писателей. У него было много завистников, недоброжелателей. Зависть татарских писателей – это отдельная тема, сгубившая не один писательский талант.

В конце 60-х, после оглушительного успеха в стране и республике «Белых цветов», после вручения Абсалямову ордена Ленина, роман выдвинули на соискание Государственной премии СССР. После прочтения этого сообщения, наверное, многие читатели, узнавшие Абдурахмана Сафиевича как человека и писателя, радостно вздохнули: наконец-то! Кому же давать Государственные премии, если не таким людям – фронтовику, прекрасному писателю, которого знала вся огромная страна, общественному деятелю, гражданину с большой буквы, орденоносцу войны и мирного труда, человеку, которого любили миллионы читателей. Но, увы, должен вас огорчить – писатель не удостоился подобной чести, хотя, без сомнения, он её заслужил. Нетерпеливые татары, всегда бегущие впереди паровоза, наверное, уже тут же нашли причину – опять Москва замешана, снова русские татарам хода не дают! Не спешите. Роман, полюбившийся татарскому народу, да и самого автора «забраковали» исключительно татарские писатели, обвинив роман в «русскости» и отсутствии национальной идеи. Документы даже до Москвы не дошли. И такая голословная демагогия закрыла Абдурахману Абсалямову путь к всесоюзному признанию его незаурядного таланта. Я, хотя и запоздало, отвечаю на решение завистливых коллег писателя татарской пословицей, мало знакомой

русскому читателю: «Собачьему животу сливочное масло не подходит». Это любимая и часто повторяемая поговорка моей матери. Всем татарам роман понравился, оценили его и читатели многонациональной страны, верховная власть отметила роман орденом Ленина, а казанским писателям-завистникам роман не понравился.

Казанская местечковость не оценила талант даже такого титана как Абдурахман Абсалямов. Он для них всегда был чужаком, пришлым, потому что его книгам был открыт путь в мир большой литературы, и татарских коллег раздражали его тиражи, переиздания, популярность Абдурахмана Сафиевича за пределами Казани. История с Государственной премией СССР – лучшее тому подтверждение, историю не переписать. Но, о ком же можно говорить высокими словами, если не о Абдурахмане Сафиевиче? Ведь ни у кого из казанских писателей и близко не было, нет, и вряд ли когда-нибудь появятся такие успехи в прозе. А лестные слова на похоронах, в воспоминаниях вслед, словами и остаются – эти же люди и закрыли ему путь к Госпремии СССР. Если бы не было лютой зависти, даже посмертной, где же музей, посвящённый великому татарскому писателю? Только через 23 года после смерти Абдурахмана Сафиевича, после развала СССР, уже в новом Татарстане, стараниями «железной» Магины-ханум, в Казани появилась улица Абдурахмана Абсалямова. А вот у татарина Аскада Мухтара не на родине, а в Фергане и Ташкенте давно есть и улицы его имени, есть и музей. Уже двадцать лет есть улица и моего имени в Казахстане, есть у меня и Государственный музей, надо особо отметить – при жизни.

Когда-то выдающийся художник-монументалист, всемирно известный оформитель исторических зданий, в том числе и Казанского оперного театра, Чингиз Ахмаров, в тридцать четыре года в 1946-м ставший лауреатом Сталинской премии первой степени, с горечью записал в дневнике: «Казань – чужих не

любит». Не зная этой горькой фразы, я повторил её устно и печатно в свой черёд в новом веке. Чего же хотел великий художник Чингиз Ахмаров, у которого в 83 года, уже слепого и глухого, Казань выцыганила коллекцию его живописи, а через несколько лет, в 2012 году, даже вечер памяти в честь его столетия не организовала? Некрасиво. В 1958 году бездомный Чингиз Ахмаров хотел получить в Казани постоянную работу и жильё. Даже не предложили. Но великие не пропадают. Все возможные высокие почести Чингизу Ахмарову оказал Узбекистан. Есть там и улица имени Чингиза Ахмарова, и памятники.

Но вернёмся к дорогому Абдурахману Сафиевичу, и судьба Чингиза Ахмарова, оказалась к месту, легла в строку.

Мамину любимую поговорку о сливочном масле и собачьем животе я уже высказывал однажды директору «Таткнигоиздата» Г. Шарафутдинову, и вот по какому поводу.

В 1990 году, в самом престижном издательстве СССР «Художественная литература», в котором не печатался ни один татарский прозаик, кроме меня, а в поэзии издался только Равиль Файзулин, шестым изданием вышел мой роман «Пешие прогулки», и я случайно в Доме творчества в Переделкине встретился с господином Г. Шарафутдиновым. Подарил ему своё «худлитовское» издание, вышедшее тиражом 250 тысяч и показал анонс «Роман-газеты» на 1991 год, где семимиллионным тиражом собирались издать тот же роман «Пешие прогулки». Я был уверен, что после такого всесоюзного успеха меня, наконец-то, издадут мои соплеменники – татары. Через два месяца я позвонил господину Г. Шарафутдинову и на вопрос, будут ли печатать меня в Казани, получил ответ – нет, роман нам, татарам, не подходит. Зеркальное отражение ситуации с Госпремией СССР Абдурахмана Сафиевича и его романом «Белые цветы». Вот тогда-то у меня спонтанно вырвалась на чистейшем татарском языке мамина поговорка. Чтобы не очень обвиняли меня в гордыни за свой роман, скажу,

что на сегодня «Пешие прогулки» вышли 24 раза, тиражом более трёх миллионов экземпляров. В Казани же «Пешие прогулки» опубликовали на татарском языке в журнале «Казан утлары» только через 23 года после выхода его в свет. Всю свою многотомную прозу я перевёл за свои деньги на родной язык, чтобы и 25 процентов татар, владеющих языком, узнали моё творчество.

Живы и писатели, продолжатели традиций Абдурахмана Абсалямова, живы и могильщики известных романов. Ничего не меняется в Казани, чужих по-прежнему не любят, особенно талантливых, известных далеко за пределами Казани.

Тут без старого анекдота в тему не обойтись. В ад приходит комиссия с Всевышним. Возле каждого котла, где в кипятке выдерживают грешников, стоит серьёзная охрана и только возле одного огромного чана – ни души. Всевышний спрашивает надсмотрщиков: «Почему у того котла нет охраны, ведь сбежать могут в рай?» На что стража радостно отвечает: «Пожалуйста, не переживайте, там – татары, если кто и решится на побег, свои обязательно его сдёрнут обратно, такое у них веками на дню трижды случается».

Вот почему в том списке, где каждый народ выдвинул на Олимп литературы своего писателя – нет татар. Если не смогли сойтись на фигуре таких титанов, как Хасан Туфан и Абдурахман Абсалямов, то о других в ту пору и разговора быть не может, мало кто из претендовавших имел союзный масштаб и книги, изданные в Москве. Так что, надо признать, что рука Москвы и русские здесь не причём. «Нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая» – но это уже русская пословица, её часто повторял Мустай Карим.

В который раз в своей жизни мне приходится осознавать – пути Всевышнего неисповедимы. Оказалось, что уже давно каким-то краешком своей судьбы я соприкоснулся с жизнью легендарного Абдурахмана Абсалямова. Я уже упоминал в мемуарах, что тридцать лет

счастливо прожил в Ташкенте и с первых своих шагов в литературе общался с классиком узбекской литературы Аскадом Мухтаром, татарин по происхождению, и часто бывал у них дома. Знал его сыновей, невесток и, конечно, супругу Раузу Измайловну, ослепительную красавицу. Конечно, знал, что её сестра, Магина-ханум, тоже замужем за писателем, классиком татарской литературы Абсалямовым. И Аскад Мухтар с женой, часто бывая в Казани в гостях у своих родственников Абсалямовых, не раз говорили обо мне. Я знаю точно, что Аскад Мухтар писал обо мне двум председателям СП Татарстана – Заки Нури и Гарифу Ахуну, чтобы они взяли меня на заметку, по одной причине – темы, с которыми я входил в литературу, были татарские. Наверное, только из-за писем в Татарстан Аскада Мухтара, Зинната Фатхуллина и Сергея Бородин, лауреата Сталинской премии первой степени за культовый роман «Дмитрий Донской», татарина по происхождению, Заки Нури пригласил меня в 1979 году на съезд писателей. К сожалению, встреча с Абдурахманом Абсалямовым, на которую я рассчитывал и о которой ходатайствовал Аскад Мухтар, не состоялась. Абдурахман Сафиевич умер 7 февраля 1979 года, а съезд писателей прошёл в мае.

Позже, знакомясь детально с биографией Абсалямова, я узнал, что Магину Измайловну называли «железной леди» задолго до Маргарет Тэтчер. Могу сказать, что абсолютно такой же по характеру была и её сестра Рауза-ханум, у которой Аскад Мухтар был как за пазухой у Всевышнего.

Помню, однажды Мустай Карим, друживший с Аскадом Мухтаром, пошутил: мол, трудно Раузе-ханум с тремя детьми. Я попытался поправить его, сказав, что у неё только двое сыновей, на что Мустай Карим лукаво ответил: а Аскад разве не ребёнок?! Ради справедливости надо сказать, что в Узбекистане у Аскада Мухтара проблем не возникало: он возглавлял Союз писателей Узбекистана, до конца жизни был

секретарём правления Союза писателей. Был главным редактором журнала «Шарк Юлдузы» («Звезда Востока»), главным редактором «Литературной газеты» и молодёжного журнала «Гулистон». Кстати, и журналы, и газету Аскад Мухтар создал с нуля, до него их просто не было. Для татарского читателя надо сказать, что Аскад Мухтар – сирота, детдомовец, родился в Фергане в 1920 году. Он прожил интересную и достойную жизнь, его любил и знал народ, любила власть, его привечал Шараф Рашидов, он – народный писатель и народный поэт Узбекистана, лауреат Государственной премии СССР, тут он обошёл свояка Абдурахмана Абсалямова, узбеки препятствий ему не чинили.

Не могу не сказать хотя бы несколько слов о 60-летнем юбилее Аскада Мухтара осенью 1980 года. Отмечали его с таким размахом, что даже вообразить трудно. Г. Марков, много лет руководивший СП СССР, после вступительного слова Шарафа Рашидова, открывая юбилей, вынужден был сказать: «Я бывал на десятках юбилеев крупнейших писателей страны, видел и казахский, и кавказский, и московский размах, но то, как организовали юбилей Аскада Мухтара в Ташкенте, поражает воображение фантазией, великолепием, масштабом. Узбекская власть в лице Шарафа Рашидовича так ценит литературу, что к юбилею Аскада Мухтара специально построили два великолепных дворца. Утром торжественная часть прошла в новом Дворце дружбы народов. Горожане ещё до открытия назвали его «Хрустальный». Банкет проводится в ресторанном комплексе «Зеравшан», где два зала могут вместить около тысячи гостей, и первыми в этом изысканном зале оказались лучшие писатели всей страны, чтобы отметить юбилей нашего дорого коллеги Аскада Мухтара. Это высокоорганизованное мероприятие лучше любых слов говорит об отношении узбекской власти к нашим писателям и литературе».

На юбилей Аскада Мухтара были приглашены делегации из всех респу-

блик, Москвы и Ленинграда, все ведущие писатели автономных республик, а из Татарстана он пригласил самую расширенную делегацию, даже большую, чем из Москвы! Были гости и из тех зарубежных стран, где издавался юбиляр. Аскада Мухтара называют учителем нескольких поколений узбекских литераторов, для них он создал журнал «Гулистон», и на юбилей пригласили абсолютно всех молодых писателей и даже начинающих. Я тоже принимал самое активное участие в проведении юбилея: встречал и провожал приглашенных, за мной была закреплена делегация московских писателей. Через два дня, перед отъездом, когда гости юбилея вернулись из поездки по Самарканду, Бухаре и Хиве, их ждал ещё и грандиозный приём в загородной резиденции «Дурмень» Шарафа Рашидова. Вы, наверное, думаете: разорился и умаялся Аскад Мухтар, готовясь к своему юбилею, шутка ли – принять сотни гостей! Не переживайте! Весь приём, вплоть до индивидуальных корзин с подарками для отъезжающих гостей, был организован хозяйственным отделом ЦК компартии Узбекистана и Совета министров республики. Юбилей большого писателя – это государственная забота, так сказал Шараф Рашидов в одном из своих выступлений. Вот такие времена были у узбекских и советских писателей – как такое забудешь!

Чем дальше вхожу в материал об Абдурахмане Сафиевиче Абсалямове, тем больше нахожу параллелей, перекрёстов и в творчестве, и в наших писательских судьбах. Абсалямов был в дружеских отношениях с известным критиком, литературоведом, писателем Рафаэлем Мустафиным. Тот в своё время возглавлял журнал «Казан утлары» и напечатал несколько произведений Абдурахмана Сафиевича. Рафаэль Мустафин – человек дальновидный, в своё время выпустил сборник «Литературные портреты», и для нас, потомков, там есть биографии всех значимых татарских поэтов и прозаиков, активно работавших в 60–80-х годах. Там есть

и портрет Абсалямова. На мой взгляд, – это лучшая работа о нём, как о писателе, гражданине, общественном деятеле.

Я хорошо знал Рафаэля Мустафина с зимы 1975 года. Он, как и я, любил Малеевку, бывал там каждую зиму вместе со своей супругой. Встречались мы с ним часто и в редакции журнала «Дружба народов». В те годы журнал возглавлял легендарный Сергей Баруздин, а Рафаэль Ахметович был членом редколлегии и активным автором в отделе критики. Рафаэль Мустафин получил прекрасное образование в Москве, многие его друзья-сокурсники стали заметными людьми в советской литературе. Благодаря своей эрудиции, широте взглядов, начитанности и принципиальности, он был принят в самых высоких интеллектуальных кругах столицы. Я гордился, что он, татарин, знает с такими людьми, что его имя и слово высоко ценилось в литературной Москве. Меня представил Рафаэлю Мустафину Мустай Карим. Я дарил Рафаэлю Ахметовичу почти все свои книги и очень часто получал от него дельные советы и длинные устные рецензии. По просьбе известных издательств он написал несколько закрытых рецензий на мои книги. И в «Советском писателе», и в «Молодой гвардии», и в «Художественной литературе» его авторитет был высок. Поддержал меня Рафаэль Ахметович и в Татарстане, когда в 90-х я стал активно печататься в Казани. Это он подал мне идею выдвигаться на Тукаевскую премию по литературе, сказав: «Твоё время пришло», и напечатал обо мне большую статью в республиканской газете, написал и предисловие к книге «Культуру восстановить труднее, чем экономику». Это сборник интервью и бесед Шагинура Мустафина со мною на протяжении пяти лет. Кстати, редкостная по тематике для Татарстана книга, мы с Шагинуром издали её на свои средства. В ней много нежёваных фактов, историй, фамилий.

Рафаэль Мустафин прекрасно знал творчество Абдурахмана Абсалямова

и моё, мог сравнивать, анализировать, делать выводы. Рафаэль Ахметович – истинный пропагандист татарской литературы, часто встречался с трудовыми коллективами, особенно со студенчеством, ему было что рассказать и о себе, и о писателях, творчество которых он знал и оценивал по-гамбургскому счёту. Шутка ли сказать, он был в эпицентре татарской литературы целых пятьдесят лет! Общался с Заки Нури, Гарифом Ахуновым, Нури Арсланом, Шайхи Маннуром, Сибгатом Хакимом, Амирханом Еники, Гази Кашшафом, Атиллой Расихом, Мустаем Каримом, Абдурахманом Абсалямовым, Ахсаном Баяном, Рустемом Кутуем, Диасом Валеевым и многими другими, а тех, кто был моложе него, я уже и не упоминаю. Кстати, рассказчик он был удивительный, умел мгновенно располагать к себе зал, аудиторию, Рафаэль Ахметович – человек рафинированной культуры, жизнь в Ленинграде и Москве наложила на него столичный отпечаток. Как сказал о нём Шагинур Мустафин: «Ушёл последний эстет, аристократ нашей литературы». Ушёл, оставив о себе яркую память и творческое наследие, которое глубоко освещает последние пятьдесят лет татарской литературы.

Однажды в Казанском университете, уже в новом веке, кто-то, хорошо знавший татарскую прозу, задал ему вопрос с подковыркой: «Вот раньше у нас был Абдурахман Абсалямов, каждый роман которого становился событием, переиздавался, переводился на русский язык. Книги Абсалямова издавались миллионными тиражами. Есть ли сегодня в нашей литературе татарский писатель, чьи книги издаются миллионными тиражами, печатаются в Москве?» Вопрос мог поставить любого другого в тупик, но только не Рафаэля Мустафина, он ответил: «Есть такой татарский писатель, член Союза писателей Татарстана, только он пишет на русском языке, но абсолютно каждый его роман переводится на татарский язык, печатается в главном национальном журнале «Казан утлары» и вызывает широчайший

резонанс. Точно так выходили в Москве все романы Чингиза Айтматова, писавшего на киргизском языке. Это – Рауль Мир-Хайдаров, заслуженный деятель искусств Татарстана, лауреат премии МВД, живёт в Москве. На русском языке его книги выходят в Москве, на Украине, в Ташкенте, Алма-Ате миллионными тиражами, переиздаются десятки раз, переводятся, а роман «Пешие прогулки» вышел 24 раза! Это рекорд среди писателей-татар, который вряд ли когда-нибудь будет преодолен. Только его тетралогия «Чёрная знать» вышла тиражом более пяти миллионов. Наверное, столько же экземпляров составляют и его тридцать книг, вышедших до тетралогии. Два других романа Рауля Мирсаидовича: «За всё – наличными» и «Ранняя печаль», не вошедшие в тетралогия «Чёрная знать», тоже вышли восемнадцать раз тиражом около двух миллионов. Общий тираж его книг превышает более десяти миллионов. В советское время, подпольно, без разрешения автора, книги не издавались. Романы Рауля Мир-Хайдарова, пришедшиеся по времени на развал страны и буйство кооперативов, книжные пираты издавали много раз. У него есть целая полка его нелегально изданных романов-бестселлеров: «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Масть пиковая», «Судить буду я», «За всё – наличными», все они вышли без указания тиража. Так что, эстафету легендарного Абдурахмана Абсалямова подхватил такой же интересный и плодотворный писатель».

Вот так, при жизни, Рафаэль Ахметович сумел соединить наши с Абсалямовым имена и наши книги перед читателями. И я премного ему благодарен, за то, что он поставил меня в один ряд с выдающимся Абдурахманом Абсалямовым.

Без постскриптума не обойтись. Для Рафаэля Мустафина сравнение моего творчества с Чингизом Айтматовым не прошло даром: ему писали, звонили, говорили в лицо возмущённо: «Нашёл кого сравнивать с Чингизом Айтматовым, не

знаем такого писателя». На что всегда спокойный и уравновешенный Рафаэль Ахметович отвечал: «Не знаете? Очень жаль. Если бы мы, татары, пропагандировали Рауля Мир-Хайдарова, как киргизы и казахи, Чингиза Айтматова, то, наверное, его знали бы не меньше, чем Айтматова». И добавлял уже известную тогда фразу Рафаэля Сибата: «Рауль Мир-Хайдаров для нас, татар – неоткрытая Америка. Колумбы нужны, Колумбы...» Рафаэль Ахметович, хотя и выглядел мягким, но свои убеждения отстаивал твёрдо.

Наверное, наши перехлёсты судеб с Абдурахманом Абсалямовым и параллели в творчестве очевидны читателям – даже ситуация с моим выдвижением на Государственную премию РТ имени Г. Тукая. Если помните, Рафаэль Мустафин советовал мне обязательно выдвинуть свою кандидатуру на эту премию, чтобы открыть дорогу моим татарским книгам в республике. За два года до своей смерти советовал мне поторопиться с Тукаевской премией и незабвенный Зульфат. Я не хотел об этом писать, но вдруг понял, что любое слово этого большого поэта должно быть сохранено для потомков, время, к сожалению, стирает память даже о таких, как он. Зульфат оказался членом редколлегии нескольких журналов, где я печатался на русском и татарском языках, и хорошо знал моё творчество. Его не только удивило, но и потрясло то, что я на свои средства перевёл всю свою прозу на татарский язык. «Значит, искренне уважаешь татар, любишь свой народ, если хочешь, чтобы они тебя читали на родном языке, – говорил он. – А вот наши писатели, пишущие на татарском языке, наверное, совсем не думают о миллионах татар, живущих вне исторической родины и не знающих, к стыду и сожалению, своего языка. Иначе хотя бы один из них занялся, как и ты, переводом на русский язык для своих соплеменников, а заодно татарскую литературу узнала бы и вся страна. Не догадались об этом даже наши классики, они оказались классиками только

одной четвёртой части татар – а жаль, их обязательно должны знать все татары. Обидно, что они сами об этом, как ты, не догадались, да и критики, литературоведы не увидели и до сих пор не видят эту беду. Не подумали об этом даже народные писатели – они тоже известны только малой части татар, а остальным миллионам, рассыпанным по миру, даже невдомёк, что те вообще существуют на свете. Если бы не ты, и я, наверное, не обратил бы внимания на эту серьёзную для нашей литературы, для нашего народа проблему. Вот ты, вместе с Абдурахманом Абсалямовым, думаю, и есть настоящие народные писатели у нас. Ваши книги адресованы всему татарскому народу, разделённому по языковому принципу, вас знают и в Татарстане, и в стране». Вот такой у нас состоялся серьёзный разговор, и я надеюсь, что донёс до вас последние тревоги Зульфата.

Москву можно назвать второй столицей татар, их здесь проживает больше, чем в Казани, да, пожалуй, и больше, чем во всём Татарстане. И живёт здесь наиболее просвещённая, образованная часть татар. В Москве самая большая татарская община в России, да и в мире, и эта община живёт одной духовной и культурной жизнью со всеми татарами. Строит мечети, соблюдает традиции и отмечает религиозные праздники, издаёт газеты, журналы и книги, ставит достойные памятники своим выдающимся соплеменникам. Только за последние три года появились в Москве прекрасные и величественные памятники Габдулле Тукаю и Мусе Джалилю, следующий памятник, в планах, – Рудольфу Нуриеву. Возглавляют татарскую общину Москвы достойные сыны нашего народа: генерал-полковник Р. С. Акчурин и его брат, всемирно известный хирург Р. С. Акчурин, генерал армии М. А. Гареев, академик Р. И. Нигматуллин.

Следуя советам Рафаэля Мустафина, Зульфата и многочисленных своих

читателей из Татарстана, я обратился к руководству общины татар Москвы с заявлением о выдвижении моей кандидатуры на Тукаевскую премию, и на общем собрании актива меня единодушно рекомендовали на соискание главной литературной премии Татарстана. Ждёте результата? Ничем ни себя, ни вас, своих читателей, порадовать не могу – меня даже к участию в конкурсе не допустили, отсеяли при отборе кандидатов. И так случилось дважды. И никто, кроме меня, и давших рекомендацию, не знает, что меня всё-таки выдвигали на эту премию. Я переживаю не за то, что мне не дали эту премию, а переживаю за то, что даже не указали моё имя среди кандидатов, не отметили, что меня выдвинули московские татары. Думаю, решение комитета по Тукаевской премии, сплошь состоящего из казанских татар, не справедливо. Нельзя тридцать лет подряд отдавать предпочтение одной четверти татар, представляющих только Казань, игнорируя представителей основного большинства татар. Получается, что Татарстан создан только для казанской элиты. Игнорировать волю татар Москвы так безапелляционно, не включать их представителей даже в список претендентов – не мудрое решение. Народ должен знать всех достойных татарских писателей: и казанских, и московских, и оренбургских, и нижегородских, и крымских, и даже австралийских, если те озабочены судьбой своего народа.

История моего выдвижения тоже похожа на ситуацию с Абдурахманом Абсалямовым при выдвижении его 50 лет назад на Государственную премию СССР. Вот на этой схожести наших судеб и наших книг, изданных миллионными тиражами, закончу рассказ о выдающемся татарском писателе Абдурахмане Абсалямове. Пусть «Белые цветы», так полюбившиеся вашим читателям, дорогой Абдурахман Сафиевич, всегда усыпают вашу могилу. Вы эту любовь заслужили.